
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Р.Ф. ТУРОВСКИЙ

О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ¹

Политическая регионалистика в России имеет уже относительно давнюю историю, но до сих пор еще не сложилось единого представления о ее теории и методах [см. Медведев, 2005; Бусыгина, 2006; Туровский, 2006]. Подобная ситуация неудивительна, поскольку политическая регионалистика в ее нынешнем виде имеет сложносоставной характер, объединяя теоретические и прикладные работы, которые могут быть отнесены к целому ряду различных политологических субдисциплин. Остается актуальным вопрос, является ли это объединение формальным, т.е. условно включающим в себя региональные исследования разных субдисциплин, или содержательным, т.е. позволяющим говорить об отдельном и по своему консолидированном направлении в политологии. И, с другой стороны, совершенно необязательно все работы, в которых говорится о регионах, должны считаться регионалистикой.

Безусловно, ключевую роль в решении теоретико-методологических проблем должно играть создание определенных представлений о политическом регионе как об основном понятии, вокруг которого должна формироваться политическая регионали-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Современная эволюция политических систем и режимов в регионах России: Сравнительный анализ», проект № 10-03-00074а.

стика. Кроме того, проблемой является отсутствие у нашей политической регионалистики аналога в западной политической науке, что делает необходимым поиск точек соприкосновения с теми направлениями в западной политологии, которые ей наиболее близки.

В частности, западное направление научных изысканий, известное как *regional science*, т.е. региональная наука в буквальном переводе, или регионалистика, как ее тоже можно было бы перевести, на практике достаточно далеко от российской политической регионалистики. «Региональная наука» обычно понимается на Западе в двух своих версиях. Во-первых, как междисциплинарный диалог представителей различных социальных наук, занимающихся так или иначе региональными исследованиями и сравнениями (задачу организации такого диалога ставит перед собой Международная ассоциация региональной науки). Но сам по себе этот диалог не создает новую науку, а только способствует обмену знаниями. Во-вторых, как разновидность региональной экономики, где региональный анализ проводится, как правило, на основе количественных методов, где внимание уделяется пространственным особенностям экономики и территориальному планированию, формированию городских и региональных экономических систем [Изард, 1966]. Это направление возникло в США и связывается с именем У. Изарда, основателя Международной ассоциации региональной науки в 1954 г. Но в данном случае региональная наука – это экономическая регионалистика, а совсем не политическая, и ее методы политической регионалистике в основном не подходят.

Наиболее близким аналогом политической регионалистики из числа устоявшихся научных направлений с определенными оговорками может считаться политическая география, с которой у политической регионалистики существует множество пересечений [см. Туровский, 1999; Колосов, Мироненко, 2001; Elazar, 1999; Jones, Jones, Woods, 2004]. В теории любое политическое явление в его пространственном измерении может оказаться предметом политической географии. Власть и политика, соотнесенные с пространством, территорией, местом, исследуемые в связи с их локализацией и межрегиональными различиями, изучаются именно политической географией. Для западной науки такое понимание политической географии является широко распространенным и естественным.

В то же время политическая география и политическая регионалистика не являются синонимами. Одна из причин различий между ними связана с тем, что политическая регионалистика исторически возникла в России как политологическая субдисциплина, а не географическая, и потому в большей степени использует методы политологии и социологии, добавляя к ним методы географические. Другая причина в том, что в реальности политическая география при всем потенциале в очень разной степени использовала свои возможности на разных научных направлениях.

Остановимся на второй причине подробнее. Для политической географии особенно большое значение имеет исследование физического пространства с точки зрения его делимитации, проведения и прохождения в нем определенных границ, причем не только политико-административных. Также традиционно физическое пространство понимается политической географией как стимул и как ограничение для политической активности, что, в частности, привело к развитию геополитики, к изучению государства с точки зрения его границ и экспансии.

В последние десятилетия для политической географии важными стали новые темы, являющиеся притом реакцией на старые. Политическая география стала интересоваться не столько политическими границами, как в «старой» парадигме, сколько преодолением этих границ. Тема трансграничного взаимодействия приобрела по этой причине особое значение для политической географии, позволяя рассматривать не только государства, но отношения политических акторов разного типа, распространение по планете идей и политических изменений. Произошло преодоление априорного государствоцентризма, типичного для прежней политической географии. Одновременно с этим политическая география осваивала проблематику организации власти в государстве, что привело к появлению географии управления [Бабурин, Мазуров, 2000].

Таким образом, для политической географии имеет огромное значение тема, которая как раз для политической регионалистики главной не является, – границы в физическом пространстве, их формирование, споры по поводу этих границ и, наконец, преодоление этих границ за счет развития трансграничных взаимодействий. Кроме того, политическая география смыкается с исследованиями международных отношений и, по сути, должна уделять

значительное внимание их теориям. Надо заметить, что проблематика внутрисударственного административно-территориального деления, будучи политико-географической по сути и крайне важной для политической регионалистики, в политической географии оказалась не столь развитой, как тема межгосударственных отношений в физическом пространстве.

Говоря теперь о структуре политологии, следует, на наш взгляд, выделить и обосновать два направления, каждое из которых в той или иной степени развито на Западе и составляет определенную часть российской политической регионалистики.

Первое из этих направлений будет правильнее всего назвать сравнительным федерализмом и регионализмом. На практике наибольшее развитие получил сравнительный федерализм, что связано, в частности, с тем, что такой важнейший центр развития политологии, как США, является федерацией. Для американской политической науки изучение федерализма и на своем опыте, и в сравнительной перспективе имеет огромное значение, что привело к возникновению огромного пласта соответствующей литературы [King, 1982; Elazar, 1997].

При этом в изучении федерализма возникли свои развилки. Например, с одной стороны, рассматриваться может федеративная идея, т.е. федерализм как принцип общественного устройства, который возводят к средневековым европейским теориям (прежде всего такой классик, как Й. Альтузиус [см. Althusius, 1995]) и американским авторам времен создания США. С этой точки зрения федерализм не обязательно является территориальным, т.е. предполагающим наличие административных регионов – субъектов федерации. Скорее, он предполагает объединительные процессы в обществе, формирование социальных групп на основе определенных критериев и идентификаций и складывание договорных отношений между этими группами. Эти процессы необязательно означают складывание территориальных субъектов федерации. С таким пониманием федерализма связаны, в частности, идеи экстерриториального федерализма (например, О. Бауэр и К. Реннер в Австро-Венгрии говорили о федерализме в контексте формирования этносоциальных сообществ [см.: Bauer, 2000]) и социологического федерализма, являющегося результатом стихийной, идущей снизу общественной организации [Dahl, 1983].

С другой стороны, федерализм можно рассматривать как управленческую модель, и в этой связи изучать отношения между центром и регионами, разграничение полномочий между ними и другие особенности взаимодействия. Такой менеджеральный подход к федерализму в XX–XXI вв. стал наиболее распространенным в связи с резким увеличением числа федеративных государств и отсутствием во многих из них тех идей и принципов возникновения федерализма, которые считались классическими.

Менеджеральный федерализм важен для политической регионалистики тем, что предполагает рассмотрение отношений между территориально-политическими уровнями в государстве и соответствующими им органами власти. Огромное значение в этой связи имеет понятие межправительственных отношений (*intergovernmental relations* [см. Elazar, 1997]), которое широко используется в исследованиях федерализма на Западе. Правда, приходится делать оговорку, что речь идет об отношениях между правительственными органами внутри государства, а не о международных отношениях, как привычнее понимать межправительственные отношения. Появление понятия межправительственных отношений связано с развитием в США с 1930-х годов концепции кооперативного федерализма, предполагающего тесные отношения между центром и субъектами Федерации, в отличие от более ранней концепции дуалистического федерализма.

При этом понятие межправительственных отношений и более широкое понятие – отношений между территориально-политическими уровнями (мы предлагаем называть их межуровневыми отношениями) – дает возможность рассматривать «вертикальные» отношения в самых разных вариантах и сочетаниях. В частном случае межправительственных отношений при федерализме главное внимание уделяется центрo-региональным отношениям. Но во внимание можно принимать наднациональные уровни, а также локальные. Это дает возможность рассматривать такие комбинации отношений, как центрo-локальные и центрo-регионально-локальные внутри государства, а еще, например, глобально-локальные и глобально-региональные в связи с включением субнациональных сообществ и регионов в трансграничные отношения и процессы глобализации. Формирование наднациональных органов управления, как, например, в Европейском Союзе, привело к появлению кон-

цепции многоуровневого управления, в котором задействованы сразу три правительственных уровня – наднациональный, национальный и субнациональный [Hooghe, Marks, 2001]. Разумеется, межправительственные отношения составляют только часть всей этой совокупности политических взаимодействий, в которых могут участвовать и неправительственные акторы.

Проблематика межправительственных и шире – межуровневых отношений позволяет выйти за рамки классической темы федерализма и включить в рассмотрение политической регионалистики всю совокупность государств, как федеративных, так и унитарных, поскольку почти каждое государство имеет определенную внутреннюю территориальную структуру. В частности, процессы передачи полномочий от вышестоящих уровней к нижестоящим приводят к различному соотношению их централизации и децентрализации в разных государствах [Туровский, 2007]. Эти процессы описываются в терминах децентрализации и деволюции, которые приводят к формированию децентрализованных унитарных государств, отчасти напоминающих федеративные, что, как мы полагаем, размывает границу между федеративными и унитарными государствами [Rousseau, Zariski, 1987]. В этих условиях рассмотрение проблематики сравнительного федерализма становится чересчур узким и искусственным, в результате чего возникает потребность в более широком направлении – сравнительного регионализма.

Понятие «регионализм» является многозначным и требует большей определенности. Регионализм имеет различные толкования, в частности он, например, может пониматься как определенная идеология, основанная на политизации региональной идентичности. Регионализм рассматривают также в контексте отношений между центром и регионами, характера и степени региональной политической субъектности. Так называемый «старый» регионализм склонен рассматривать субнациональный регион как часть и производную от государства, которая находится под контролем центра. При «новом» регионализме государство отказывается от курса на централизацию, давая регионам возможность самостоятельно развивать свои экономические отношения и включаться в глобализационные процессы [Keating, 1998].

Для политической регионалистики, на наш взгляд, регионализм – это, прежде всего, пространственная структура политических отношений, представленная в физическом пространстве в виде как административных регионов, так и иных политических субъектов, так или иначе выраженных на территории.

Таким образом, сравнительный федерализм и регионализм как направление в политической регионалистике предполагают рассмотрение взаимодействий между географически выраженными политическими субъектами. Обычно исследование проводится в рамках отдельно взятого государства. Также возможным является изучение связей между региональными / локальными субъектами внутри государства и «внешними» субъектами (другие государства, наднациональные структуры, региональные / локальные субъекты других государств), как при участии центра (государства в целом), так и напрямую. При таком подходе политическая регионалистика «улавливает» функционирование трансграничных сетевых структур. Одним из географически выраженных субъектов в государстве является центр, условное образование, представляющее собой и территорию (столица), и уровень (государство в целом).

В этой связи в политической регионалистике становится возможным как направление вертикальное (отношения между территориально-политическими уровнями), так и горизонтальное (связи между субъектами на одном уровне). И то, и другое направление присуще исследованиям федерализма и межправительственных отношений. Как важный частный случай этот подход предполагает рассмотрение региональной политики центра, объектом которой являются территории.

Кроме того, на наш взгляд, можно выделить три смежных с политической регионалистикой направления. Первое – это бюджетный (фискальный) федерализм [Oates, 1972], который сближает политическую регионалистику и региональную экономику. Развитие этого направления на практике оказалось очень важным и большим по причине влияния экономистов и широкого использования экономических данных в исследованиях региональной политики и федерализма. Собственно политический смысл этих исследований заключается в определении ресурсов и степени самостоятельности территорий. Неизбежно это затрагивает и локальный уровень, т.е.,

в сущности, речь идет не о двух-, а о трехуровневых финансово-экономических отношениях.

Вторым смежным направлением является рассмотрение наднациональных (супранациональных) территориально-политических систем, примерами которых являются конфедерации и им подобные образования. Эмпирически основной темой в рамках этого направления стала европейская интеграция, формирование и функционирование Европейского Союза, исследования европейского федерализма. В отличие от «обычной» политической регионалистики данное направление предполагает также изучение международных отношений и применение их теорий.

Третье смежное направление – это изучение организации управления в сегментированных (многосоставных, или plural, англ.) обществах, исследовании консоциаций (consociation, англ.), общественного (консоциативного) правления [Лейпхарт, 1997]. Федерализм является частным случаем такого управления, предусматривая, в частности, организацию квотированного регионального представительства на федеральном уровне. Главный интерес представляет распределение общенациональной власти на основе принципов консенсусного правления, предполагающее формальные и неформальные квоты во власти, определенный динамический баланс распределения власти между частями, на которые делится общество и/или его элита (этническими, конфессиональными, территориальными и пр. сегментами). Данная проблематика близка к политической регионалистике, но при этом сегменты, участвующие в распределении власти, необязательно имеют территориальную привязку.

Второе базовое направление в политической регионалистике можно назвать кроссрегиональной сравнительной политологией. Кроссрегиональные сравнения могут проводиться как в пределах одного государства, так и для регионов в различных государствах. Для этого направления наиболее важными являются концепции политического режима и политической системы. Довольно часто политическая регионалистика рассматривается как разновидность сравнительной политологии, перенесенная на субнациональный уровень. В действительности к сравнительной политологии имеет отношение только часть политической регионалистики. Притом эта часть пока остается слабо развитой, как в сравнении с класси-

ческой – кросснациональной сравнительной политологией [Сравнительная политология сегодня, 2002], так и в сравнении с исследованиями федерализма. В стадии разработки и апробации до сих пор находятся концепты, представляющие собой производные от тех, которые применяются в «обычной» сравнительной политологии, такие как региональная политическая система, региональный политический режим и региональная партийная система [см. Россия регионов, 2000; Нечаев, 2000; Кузьмин, Мелвин, Нечаев, 2002; Туровский, 2009].

Дальнейшее совершенствование теоретико-методологической основы кроссрегиональной сравнительной политологии имеет огромное значение, в том числе для российской науки. Проблема в том, что в российских регионах с начала 1990-х годов проводилось и проводится огромное количество эмпирических исследований, накоплен большой объем материала по региональным политическим акторам, что контрастирует со слабостью отечественной теории и ее фактическим отсутствием в западной науке, ограниченными возможностями для ее заимствования. Для западной науки не характерно специальное рассмотрение региональных производных от политических систем и режимов, и куда более развитым является предыдущее направление политической регионалистики. В этих условиях опора на западную науку позволяет только с разной успешностью использовать на региональном уровне разработки транзитологии (что было актуально в 1990-х годах), теорий демократии, разделения властей, авторитаризма и т.п.

Потребность в развитии кроссрегиональной сравнительной политологии и в повышении научной значимости эмпирических региональных исследований может быть, на наш взгляд, реализована за счет использования концепции регионального политического режима. В своих работах ранее мы предлагали методологию анализа региональных политических режимов с помощью четырех осей: «автономия – зависимость», «демократия – авторитаризм», «моноцентризм – полицентризм» и «консолидация – конкуренция» [Туровский, 2009; Turovsky, 2010].

Смежной для кросснациональной сравнительной политологии является такая дисциплина, как региональное и местное управление (субнациональное управление). Она предполагает исследование органов публичной власти и публичных служб на суб-

национальных уровнях. Интересны их полномочия (т.е. анализ законодательства, местных нормативных актов), внутренняя организационная структура, рекрутирование и профессиональная подготовка кадров, что сближает политическую регионалистику с теориями управления и бюрократии. Для политологии в целом и политической регионалистики в частности важно, чтобы субнациональное управление рассматривалось в политическом интерьере, т.е. не сводилось к анализу бюрократии и ее функционирования, а предусматривало исследование всей социально-политической среды, партий и групп влияния, электората и избирательного процесса, вопросов легитимности и эффективности власти и т.д. При таком подходе исследование субнационального управления возвращает нас к необходимости использования концепций региональных политических систем и режимов.

Говоря об обоих обозначенных выше направлениях политической регионалистики, следует еще раз акцентировать важность сравнительных исследований. Рассмотрение отдельных территориальных кейсов на субнациональном уровне явно недостаточно, поскольку не позволяет приходиться к глубоким выводам ни о межуровневых отношениях, ни о региональных политических режимах. Поэтому пример отдельно взятого региона еще не является политической регионалистикой. Серьезное исследование появляется в случае сравнения регионов по определенным признакам и выявления причин различий между ними. Отдельно взятый случай может быть объектом исследования, если он помещается в пространство имеющихся сравнительных исследований и выявленных ими закономерностей.

Подводя итоги рассмотрению двух базовых направлений в политической регионалистике, отметим, что для достижения необходимой стыковки с западными политологическими исследованиями наиболее удобными являются два концепта, по каждому из которых, однако, следует выработать общепризнанное их понимание. Во-первых, это концепт межправительственных отношений, который, впрочем, подлежит расширению до межуровневых отношений (в последнем случае он стыкуется с концептом многоуровневого управления) и за счет введения в анализ неправительственных акторов. С его помощью удобно рассматривать федеративные отношения и регионализм любого рода. Главным условием является

наличие у субъектов рассматриваемых взаимодействий географической составляющей.

Во-вторых, это концепт региональной политики, который применим как для первого, так и для второго направления политической регионалистики. В первом направлении региональная политика понимается более привычным для российской науки и политической практики образом, а именно как политика, которая проводится центром в отношении регионов. Во втором направлении региональная политика больше соответствует западному понятию regional politics, которому в отечественной литературе ближе понятие регионального политического процесса. Другими словами, это определенный территориальный уровень политических взаимодействий. По аналогии может использоваться понятие local politics, не нашедшее пока своего места в российской науке (как «локальная политика»), но вполне операциональное для политического анализа на местном уровне (особенностью и отличием которого является значимая роль межличностных политических взаимодействий).

Таким образом, политическая регионалистика как субдисциплина российской политической науки может быть и внутренне консолидирована, и совмещена с западной наукой следующим образом. Для внутренней консолидации субдисциплины требуется разработка понятия политического региона (см. ниже). Для политической регионалистики возможны как вертикальное (межуровневые отношения), так и горизонтальное (рассмотрение территориальных субъектов на одном уровне) направления исследований. При этом принципиально важным для горизонтального направления является использование сравнительного подхода.

Одним из западных аналогов российской политической регионалистики являются исследования федерализма, регионализма, межправительственных отношений и многоуровневого управления. Другим аналогом является изучение региональной и локальной политики (как политических процессов и взаимодействий), требующее дальнейшей разработки, перспективы которой, на наш взгляд, связаны с концепциями региональных политических систем и режимов, региональных партийных систем.

Следует, однако, иметь в виду серьезные проблемы, которые препятствуют развитию политической регионалистики и характер-

ны именно для западной социальной науки, учитывая тенденции ее развития в XIX–XX вв. Можно выделить четыре такие проблемы.

Первая – это этатистский, государствоцентрический подход. Прежде всего, это – образ мышления части политиков, влияющий, однако, на науку. В соответствии с этим подходом региональное начало и разнообразие должны быть нивелированы. Регионы зачастую рассматриваются в терминах региональных угроз национальной безопасности, а не региональных интересов. Этатизм весьма типичен для политических практик, начиная с эпохи создания европейских национальных государств.

Вторая проблема – антикоммунитаристский подход (как мы его условно именуем), являющийся очень характерным для мейнстрима западной социальной науки. Этот подход зародился еще в XIX в., когда социология в процессе своего формирования стала отрицать общину, локальный и региональный партикуляризм, противопоставляя им формирование общества как нового социального явления и единого целого, складывающегося, как правило, в государственных границах. Примером служит социология Ф. Тенниса с его дихотомией общества (*Gessellschaft*) и общины (*Gemeinschaft*). Сложилась доминирующая социологическая и политологическая традиция, выразителями которой стали такие важнейшие фигуры, как Т. Парсонс, С. Липсет, Г. Алмонд, С. Хантингтон и др. В соответствии с этой традицией община с ее партикуляризмом и внутренним коллективизмом воспринимается как рудимент прежних эпох, на место которого приходит общество как структурированная социальная система. Увлечение процессами создания обществ, связанных с определенными государствами, национального строительства (*nation building*, англ.) способствовало появлению определенных акцентов в научном дискурсе, которые не могли способствовать развитию регионалистики. Не было места для специального анализа регионализации и в марксистской науке, которая по своему изучала те же государство и общество, траектории их исторического развития.

Парадоксально или нет, но антикоммунитаристский подход активно развивался в американской науке, хотя, казалось бы, в условиях федеративного государства, да еще и с развитым местным самоуправлением это нелогично. Однако ведущие американские авторы, напротив, интересовались формированием в условиях та-

кого исходного многообразия развитой и географически единой политической / социальной системы, структурированной через подсистемы [Парсонс, 2002], а не территории, и отличающейся гомогенностью политической культуры, а не ее региональным многообразием (Г. Алмонд и С. Верба ассоциируют политическую культуру с обществом в целом, не уделяя внимания региональному разнообразию, хотя оно вполне может вытекать, например, из географии партийных предпочтений [см. Almond, Verba, 1963]).

При этом формирование общества понималось как процесс прогрессивный. Например, политическая модернизация, по С. Хантингтону, связана среди прочего с «заменой большого числа традиционных, религиозных, родовых, этнических, политических авторитетов единым светским, национальным политическим авторитетом» [Хантингтон, 2004, с. 52]. По сути, сохранение локальных политических начал при таком подходе противоречит модернизации. Либо это должны быть локальные начала совершенно иного, модернизированного типа, т.е. основанные на рационализации авторитета. Но рационализированный авторитет не обязательно бывает только общенациональным. В целом антикоммунитаристский подход склонен рассматривать государство как консолидированную и достаточно однородную территорию, не принимая во внимание внутренние различия и ассоциируя политические явления с «государством в целом».

Третья проблема – историцизм, типичный для социальных наук, основа и логика которых традиционно были связаны с рассмотрением социальных процессов в темпоральной динамике. Социальная наука видела и изучала прежде всего процесс, естественным образом соотнося его с крупными территориальными единицами, такими как государства. Подобный формат социальных исследований не мог не приводить к искажениям при анализе единого пространственно-временного континуума с недоучетом пространственных различий (равно как и локальной истории, ход и смысл которой мог отличаться от «общенационального»).

Наконец, четвертой проблемой является естественным образом произошедшее смещение полюса активности социальной и политической науки в сторону западных стран. В данном случае мы не имеем в виду ни спор между «западниками» и «антизападниками», ни призывы к созданию собственных теорий, методик

и пр. для обоснования особого пути России. Речь идет, во-первых, о проведении основной части исследований, на основе которых рождаются теории и методы, на примерах западных обществ, т.е. о крайне ограниченной географии политических исследований и, в частности, о крайне слабой изученности России. Во-вторых, о нормативных аспектах отношения к западному опыту как передовому. Как результат могут возникать разнообразные неточности в российских исследованиях – рассмотрение России как отклонения от нормы с неизбежными негативными коннотациями, создание доморощенных концепций, не учитывающих достижения западной науки, некритический и не адаптированный перенос концепций, разработанных на примерах западного общества, и т.п.

В целом из вышесказанного следует, что политическая регионалистика не вписывается в традиционный мейнстрим социально-политических наук. С этой точки зрения федерализм, регионализм, локализм и прочий территориальный партикуляризм представляют собой периферийные и/или устаревшие направления в науке. Но в действительности указанные выше «проблемы роста» политической регионалистики преодолимы, и их преодоление вполне возможно в связи с более новыми тенденциями в развитии политической науки (включая теорию постиндустриального общества, постмодернизм, сетевой подход и др.).

В конце XX в., например, одним из ключевых социологов, выступивших за преодоление историцизма, стал Э. Гидденс, разработавший, в частности, концепцию регионализации, которая, по сути, противостоит прежним представлениям об унификации общества. По его мнению, регионализация – это «темпоральная, пространственная или пространственно-временная дифференциация регионов внутри локальностей¹ или между ними; понятие регионализации представляется нам существенным, ибо уравнивает предположения, согласно которым общества определяются как

¹ В оригинале Э. Гидденс использует понятие *locale*, которое можно перевести как место действия (в русском варианте его книги «Устройство общества» *locale* переводится как «локальность»). *Locale* определяется как «физический регион, охватываемый как часть ряда взаимодействий, имеющий определенные границы, которые помогают сконцентрировать взаимодействие тем или иным образом» [Гидденс, 2005, с. 499]. – *Прим. автора.*

стабильно гомогенные, унифицированные системы» [Гидденс, 2005, с. 500].

Рассмотрим теперь понятие политического региона как объединяющее для всех направлений политической регионалистики. Чаще всего регион понимается как территория с определенными границами, т.е. как административно-территориальная единица в составе государства (транснациональные регионы мы здесь не рассматриваем). Но при этом за скобками остается вопрос о политической субъектности административно-территориальных единиц, понимание которой приходит при рассмотрении не столько «данной» территории, входящей в некий официально утвержденный список, сколько местного сообщества и его политических характеристик, совокупности политических акторов, сосредоточенных в административных границах. Для политической регионалистики важнее всего определенность в том, каким образом те или иные структурные единицы в физическом пространстве с их населением обретают политическую субъектность и вовлекаются во взаимодействие.

Политический регион является разновидностью региона, который представляет собой более общее понятие. В других социальных науках говорят о своих разновидностях регионов – экономических, исторических, культурно-этнических и т.п. Для политологии это важно по той причине, что регионы разного типа и происхождения могут частично или полностью совпадать друг с другом в физическом пространстве. Анализ соотношения регионов политических и регионов другого типа позволяет рассматривать влияние на политическую регионализацию со стороны экстраполитических переменных экономического и историко-культурного характера, например в случае политизации экономических или культурных требований.

По нашему мнению, возможны три подхода к политическому региону, каждый из которых имеет свои операциональные характеристики, свои достоинства и недостатки.

1. Политико-административный подход

Этот подход является наиболее типичным. В соответствии с ним политический регион представляет собой управленческую

единицу, т.е. регион создают официально определенные административные границы, в пределах которых действует власть, обладающая определенными полномочиями. Изучение устройства региональной власти и ее отношений с властями других территорий, включая центральную власть, находится в основе политико-административного подхода. Кроме того, в целом, в соответствии с этим подходом, любые локализованные политические взаимодействия рассматриваются как характеристика определенного административного региона, в границах которого они протекают, или в границах которого формируются и действуют политические акторы.

В соответствии с этим подходом регионы можно рассматривать как субъекты межуровневых (межправительственных, федеративных и т.п.) отношений, выявлять особенности расположенных в их границах политических режимов и т.п. Но, в сущности, в качестве региона рассматриваться будут прежде всего региональные власти и региональное нормотворчество. В то же время политико-административные регионы не всегда обладают ярко выраженной политической субъектностью, не обязательно у них есть свое лицо, отличия от других подобных регионов.

2. Политико-системный подход

Данный подход основан на положении о том, что политические регионы формируются вокруг определенных интересов, наличие которых является основным консолидирующим фактором для отдельно взятых регионов, а различия между которыми создают региональное разнообразие. При таком подходе ключевая регионообразующая категория – это региональный интерес, и политический регион представляет собой разновидность группы интересов. Наличие собственных интересов, имеющих определенную территориальную привязку, означает обретение территорией политической субъектности. При этом у политического региона как группы интересов географические границы могут быть очень размытыми, и сами эти интересы могут быть значимыми для очень разной части населения.

Мы условно называем этот подход политико-системным по той причине, что категория интереса наиболее типична для рацио-

налистского направления в политологии, в соответствии с которым на основе рационально осознаваемых индивидами интересов происходит формирование политической системы. Данный подход хорошо соответствует и принципам структурализма [Нау, 2002]. Политико-системный подход к политической регионалистике сближает ее и с классической сравнительной политологией, которая много внимания уделяет политическим системам и группам интересов. Этот подход близок также к положениям теории рационального выбора. Применение теории рационального выбора в политической регионалистике возможно в виде рассмотрения обезличенных региональных политических систем, формирующихся на основе рационального социального поведения, продиктованного определенными интересами.

Таким образом, политико-системный подход рассматривает формирование политического региона вокруг определенных региональных интересов, разделяемых политически значимой частью определенным образом локализованных сообществ. Проводниками этих интересов могут быть и достаточно узкие группы элиты, но важно, чтобы они обладали возможностями для более массовой политической мобилизации. Рассмотрение региональных политических систем в связи с такого рода регионами является, в сущности, более корректным, чем в связи с административными единицами, где политическая система будет рассматриваться, прежде всего, как определенная организация публичной власти. В прикладных исследованиях важнейшим вопросом становится в таком случае выявление этих интересов, их проводников, распространения, значимости и т.п.

3. Политико-социологический подход

Для этого подхода ключевым регионообразующим фактором является идентичность. Он рассматривает локализованные сообщества с точки зрения наличия у них определенной территориальной идентичности, которая объединяет членов этого сообщества. Политизация региональной / локальной идентичности с выдвиганием определенных требований политического характера приводит к появлению политического региона. В этом случае, как и в предыдущем, физические границы политических регионов могут

быть размытыми, регионообразующие признаки проявляться в неполной мере, в зависимости от степени развития и характера политизации территориальной идентичности. Одни политические регионы могут накладываться на другие и, наоборот, возникать лакуны, для которых политизированные территориальные идентичности вообще не характерны (аналогичная по рисунку территориальная структура типична и для распространения региональных интересов). Выявление таких регионов требует проведения специальных социологических исследований.

Политико-социологический подход в политической регионалистике является родственным такому направлению в политологии, как конструктивизм. Этот подход в целом склонен к рассмотрению процессов формирования регионов «снизу», со стороны общества.

Последние два подхода являются наиболее важными при исследовании «реальной» политической субъектности, возникающей в случае развития и политизации региональных интересов и/или идентичностей, а не просто при проведении административных границ. Трудность состоит в выявлении таких регионов, их границ, степени их развития. Здесь невозможно обойтись без социологических методов, особенно при изучении идентичностей. По причине трудностей методологического характера политико-административный подход остается доминирующим в политической регионалистике, и к нему по-прежнему привязаны почти все исследования. Но он обязательно должен быть дополнен исследованием региональных интересов и идентичностей в границах изучаемой административной единицы, что позволит понять политический смысл региона.

Два последних подхода связаны с различными теоретически направленными в политической науке. Но вряд ли на этом основании целесообразно избегать сочетания политико-системного и политико-социологического подходов, которые могут дополнять друг друга и не являются несовместимыми. Процесс конструирования региональных идентичностей может включать в себя и формирование интересов, которые, как считают члены объединенного идентичностью сообщества, всем им присущи и за которые они готовы бороться. И с другой стороны, формирование региональных интересов может приводить к появлению достаточно больших

сообществ, которые вырабатывают определенную региональную идентичность.

На наш взгляд, рассмотрение политических регионов с точки зрения властной юрисдикции, интереса или идентичности может проводиться и раздельно, в рамках избранного автором подхода, и совместно. Важно другое, а именно – более ясная операционализация самого понятия «политический регион» для любого исследования, которое относится к предметному полю политической регионалистики.

ЛИТЕРАТУРА

- Сравнительная политология сегодня / Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – 537 с.
- Бабурин В.Л., Мазуров Ю.Л.* Географические основы управления. – М.: Дело, 2000. – 288 с.
- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004. – 956 с.
- Бусыгина И.М.* Политическая регионалистика. – М.: РОССПЭН, 2006. – 279 с.
- Россия регионов: Трансформация политических режимов / Гельман В., Рыженков С., Бри М. (ред.). – М.: Весь Мир, 2000. – 376 с.
- Гидденс Э.* Устроение общества. Очерки теории структуризации. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.
- Изард У.* Методы регионального анализа: Введение в науку о регионах. – М.: Прогресс, 1966. – 660 с.
- Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 479 с.
- Кувшин А., Мелвин Н., Нечаев В.* Региональные политические режимы в постсоветской России: Опыт типологизации // Полис. – М., 2002. – № 3. – С. 142–155.
- Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 287 с.
- Медведев Н.П.* Политическая регионалистика. – М.: Альфа-М, 2005. – 447 с.
- Нечаев В.* Региональные политические системы в постсоветской России // Pro et contra. – М., 2000. – Т. 5, № 1. – С. 80–95.
- Парсонс Т.* О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.
- Туровский Р.Ф.* Политическая география. – М.; Смоленск: Издательство СГУ, 1999. – 381 с.

- Туровский Р.Ф.* Политическая регионалистика. – М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2006. – 792 с.
- Туровский Р.Ф.* Центр и регионы: Проблемы политических отношений. – М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2007. – 400 с.
- Туровский Р.Ф.* Региональные политические режимы в России: К методологии анализа // Полис. – М., 2009. – № 2. – С. 77–95.
- Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
- Agnew J.* Place and politics. The geographical mediation of state and society. – Boston: Allen and Unwin, 1987. – 267 p.
- Almond G., Verba S.* The civic culture. – Princeton: Princeton univ. press, 1963. – 562 p.
- Athusius J.* Politica methodice digesta // F.S. Carney (trans.); D.J. Elazar (introd.). – Indianapolis: Liberty press, 1995. – 238 p.
- Bauer O.* The Question of nationalities and social democracy. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 2000. – 494 p.
- Dahl R.A.* Federalism and the democratic process // NOMOS XXV: Liberal democracy / Pennock J.R., Chapman J.W. (eds.). – N.Y.: New York univ. press, 1983. – P. 95–108.
- Elazar D.J.* Exploring federalism. – Tuscaloosa: Univ. of Alabama press, 1991. – 335 p.
- Elazar D.J.* Political science, geography, and the spatial dimension of politics // Political geography. – Oxford, 1999. – Vol. 18, N 8. – P. 875–886.
- Giddens A.* The constitution of society. Outline of the theory of structuration. – Berkeley; L.A.: Univ. of California press, 1984. – 402 p.
- Hay C.* Political analysis. A critical introduction. – Houndmills; N.Y.: Palgrave, 2002. – 336 p.
- Hooghe L., Marks G.* Types of multi-level governance // European integration online papers (EIoP). – 2001. – Vol. 5, N 11. – Mode of access: <http://eiop.or.at/eiop/texte/2001-011a.htm> (Accessed on 22.08.2011.)
- Jones M., Jones R., Woods M.* An introduction to political geography: Space, place and politics. – N.Y.: Routledge, 2004. – 202 p.
- Keating M.* The new regionalism in Western Europe: Territorial restructuring and political change. – Cheltenham: Edward Elgar, 1998. – 242 p.
- King P.* Federalism and federation. – Baltimore; L.: Johns Hopkins: Croom Helm, 1982. – 159 p.
- Oates W.E.* Fiscal federalism. – N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972. – 256 p.

Rousseau M.O., Zariski R. Regionalism and regional devolution in comparative perspective. – N.Y.: Praeger publishers, 1987. – 292 p.

Turovsky R.F. The liberal and the authoritarian: How different are the Russian regions? // The politics of sub-national authoritarianism in Russia / V. Gel'man, C. Ross (eds.). – Ashgate: Farnham and Burlington, 2010. – P. 19–37.